

НАДЕЖДА ПЕЧЕНКИНА

Принцип добросовестности в российском гражданском праве

1. Понятие и содержание добросовестности

В современной отечественной цивилистике все большее внимание уделяется основополагающим теоретическим понятиям, на которых базируются как общеправовые, так и ряд отраслевых дисциплин. Одним из таких понятий является добросовестность участников гражданских правоотношений.

Исторически применение данной правовой категории восходит к римскому частному праву, где добросовестность (*bona fides*) рассматривалась как *собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей выполнять свое обязательство, в чем бы оно не выразилось*¹.

В научной литературе давно ведутся споры относительно понятия и содержания добросовестности. Современная цивилистическая доктрина разграничивает добросовестность в субъективном и объективном смыслах (такой подход впервые был предложен И.Б. Новицким). Добросовестность в объективном смысле выступает как принцип гражданского права, действие которого проявляется при возникновении и осуществлении гражданских прав и обязанностей и направлено на достижение равновесия интересов между субъектами отношений. В субъективном же смысле добросовестность относится к внутреннему механизму реализации права и понимается как осознание субъектом правомерности осуществления своих прав и исполнении обязанностей². Некоторые, напротив, отвергают такое деление. Впрочем, все это исключительно доктринальные подходы. Легальная же дефиниция добросовестности в гражданском законодательстве отсутствует.

1 М. Бартошек, *Римское право: Понятия, термины, определения*, Москва 1989, С. 131.

2 Т.Ю. Дроздова, *Добросовестность в Российском гражданском праве*, Иркутск 2006, С. 13-19.

Понятие *добросовестность* имеет самостоятельное значение в качестве не правовой, а, прежде всего философской, моральной категории. В правовой же науке существуют две тенденции: часть ученых-цивилистов (В.П. Грибанов, А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой) рассматривают добросовестность в тесной связи с понятиями *мораль* и *нравственность* и определяют ее как обязанность соблюдения требований морального порядка. Другие (Л.И. Петражицкий, Г.Н. Амфитеатров) полностью отрицают нравственную составляющую добросовестности, рассматривая ее лишь как извинительное заблуждение лица о правомерности его поведения и считая, что переход в неправомерные сферы лишь дестабилизирует практику.

В Модельных правилах европейского частного права (DCFR) предлагается следующая дефиниция: понятие *добросовестность и честная деловая практика* означает стандарт поведения, характеризующийся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны сделки или соответствующего правоотношения.

Также в DCFR разъясняется, что представляет собой поведение, противоречащее добросовестности и честной деловой практике (то есть недобросовестность). Им является поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них³.

Таким образом, составители DCFR исходили из того, что категория добросовестности имеет в своей основе именно требования морального порядка.

Законодательство многих иностранных государств с развитыми правопорядками также оперирует понятием добросовестности. Так, в гражданском праве Италии существует общая оговорка о корректности и добросовестности *la clausola generale di correttezza e buona fede* (ст. 1175 *Должник и кредитор должны вести себя в соответствии с правилами корректности* и ст. 1375 *Договор должен быть исполнен в соответствии с доброй совестью* ИГК). Согласно традиционному подходу, интересы должника и кредитора в обязательственном правоотношении разнонаправлены, и их правовая связь сводится к тому, что кредитор, положение которого квалифицируется как *активное*, наделяется в отношении должника комплексом определенных прав; положение же должника, напротив, характеризуется обязанностью, бременем и квалифицируется как *пассивное*. Отсюда можно сделать вывод, что первое требование (корректность), определяясь в чисто негативных обязанностях и воздержании от определенных действий, обращается в основном к кредитору, в то время как вторая (добросовестность) относится только к должнику, возлагая на него положительные обязанности. Однако современное право в условиях социальной и нормативной эволюции, определяемой переходом государства с либеральной матрицей к социальному правовому государству, требует отказа от индивидуалистической концепции право-

3 Н.Ю. Рассказова, *Модельные правила Европейского частного права, пер. с англ.*, Москва 2013, С. 107.

вых связей: на самом деле корректность и добросовестность выражают одну и ту же концептуальную сущность, определяющую возникновение позитивных и негативных обязанностей, как для должника, так и для кредитора. Должник обязан не только совершить предоставление, но и

осуществить ряд последовательных и дополнительных мер, которые действительно имеют значение для исполнения обязательства и направлены на исполнение с учетом особенностей интереса кредитора в каждом конкретном случае.

Нарушение же принципа корректности и добросовестности будет происходить всякий раз, когда поведение любой из сторон не приводило бы к честности, искренности и социальной солидарности⁴.

2. Принцип добросовестности

Ранее принцип добросовестности мог быть выведен только из содержания п. 2 ст. 6 и п. 3 ст. 10 ГК РФ, напрямую не относящихся к нормам, устанавливающим основные начала гражданского законодательства, так что существование принципа добросовестности в гражданском праве можно было рассматривать лишь как доктринальный подход, не связывавший правоприменителя.

Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ были внесены изменения в ст. 1 ГК РФ, согласно которым при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст.1 ГК РФ), а также никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст.1 ГК РФ).

Таким образом, принцип добросовестности получил закрепление среди основных начал гражданского законодательства – добросовестность стала правилом. Значение нормативного закрепления общеправового принципа добросовестности переоценить невозможно. В пояснительной записке К проекту Федерального закона *О внесении изменений в часть первую, вторую третью и четвертую Гражданского Кодекса Российской Федерации* отмечается, что принцип добросовестности соответствует представлениям современной доктрины гражданского права и давно введен в законодательство большинства стран с развитыми правовыми порядками⁵.

4 Р. Perlingieri, *Manuale di diritto civile*, Napoli 1997, С. 213-215.

5 Пояснительная записка «К проекту Федерального закона *О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Феде-*

Нормативное закрепление данного принципа, как гласит вышеупомянутая Записка, позволяет

не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случаях недобросовестных действий участников оборота.

Между тем, складывавшаяся приблизительно до 2006–2007 годов судебная практика свидетельствовала о наличии множества споров, в которых оспаривались действия сторон с точки зрения их формального несоответствия каким-либо требованиям законодательства, но при этом при полном игнорировании вопросов добросовестности. Именно поэтому мы имеем массу примеров судебных споров о признании незаключенными или недействительными договоров по формальным, а порой даже надуманным, основаниям, к которым по стечению обстоятельств одна из сторон утратила интерес, что в свою очередь своей массовостью дестабилизирует гражданский оборот в целом.

На данное обстоятельство совершенно справедливо было обращено внимание в Концепции развития гражданского законодательства, и в настоящее время соответствующие корректировки законодательства предложены в проекте изменений ГК РФ, а в части общих положений уже приняты в качестве закона и вступили в силу.

Также на практике суды зачастую полностью игнорируют доводы сторон о недобросовестности процессуального оппонента, или же дают им исключительно формальную оценку, не рассматривая по существу. Например, в судебных актах по делу № А56-41770/2010 (Определение Президиума ВАС РФ от 17.10.11 г. по делу № А56-41770/2010) действия руководителя общества с ограниченной ответственностью не получили оценки арбитражных судов с точки зрения их добросовестности, несмотря на то, что истец в обосновании своих требований ссылался на необходимость проверки соответствующих обстоятельств.

Игнорирование судами, в том числе и высшими, обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности стороны по договору, наглядно демонстрирует судебный спор по делу № А65-4166/66-СА3-36 (Постановление Президиума ВАС РФ от 20.09.2011 N 2549/11), при разрешении которого перед Президиумом ВАС РФ был поставлен вопрос о правомерности действий правообладателя по договору коммерческой концес-

рации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации [online]. Консультант Плюс Онлайн [Доступ: 2013-06-23]. Доступны на : <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=93951>>. а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [online]. Консультант Плюс Онлайн [Доступ: 2013-06-23]. Доступны на : <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=93951>>. а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации, Консультант Плюс Онлайн.

сии. Суду требовалось установить, вправе ли правообладатель одновременно с другой стороной договора использовать переданный последней комплекс исключительных прав на территории действия этого договора. Признавая действия правообладателя правомерными, ВАС РФ исходил из того, что договор не содержит условий, ограничивающих такую возможность.

В то же время судья ВАС РФ Т.Н. Нешатаева изложила особое мнение, согласно которому для правильного разрешения подобного спора было необходимо дать оценку отношениям контрагентов с точки зрения их разумных ожиданий, учесть, что правообладатель ввел пользователя в заблуждение, а также принять во внимание то, что правообладатель не выполнил свою обязанность по наиболее полному раскрытию информации об объеме передаваемых пользователю исключительных прав. Иными словами, в особом мнении судьи ВАС РФ фактически поставлен вопрос о добросовестности действий правообладателя по договору франчайзинга, и, поскольку добросовестность, в соответствии с внесенными в ГК РФ изменениями, выступает теперь в качестве основополагающего общеправового принципа гражданского права, то именно это особое мнение следует рассматривать как наиболее обоснованную позицию по данному делу с точки зрения действующего законодательства, и именно оно должно теперь выступать в качестве вектора судебной практики.

Конечно, необходимо отметить тенденцию двух-трех предшествующих лет, по которой принцип добросовестности, существовавший только доктринально, принимался судами в расчет все чаще и чаще (при этом суды ссылались на п. 3. ст. 10 старой редакции ГК), и от ответа на вопрос о добросовестности лица все больше зависело разрешение конкретного спора. Так, например, согласно постановлению Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 12771/10 по делу № А40-111798/09-57-539 о взыскании убытков, причиненных действиями ответчика по заключению сделок, противоречащих интересам истца, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, так как при рассмотрении спора судом не была дана оценка действиям ответчика с точки зрения добросовестного и разумного осуществления прав и исполнения обязанностей, не исследованы соответствующие доказательства. Однако, несмотря на наличие тенденции, удельный вес подобных решений в общей массе дел был чрезвычайно мал.

Также заслуживают внимания положения *второго пакета* изменений ГК РФ, вводимые законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ и вступившие в силу 1 сентября 2013 г., основанные на принципе добросовестности. В частности это:

- установление запрета требовать признания оспоримой сделки недействительной тем лицам, которые ранее ее одобрили или своими действиями подтвердили намерение ее исполнить;

– признание обманом намеренного умолчания об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, которая от него требовалась по условиям оборота.

3. Презумпция добросовестности

Еще одной новеллой в гражданском законодательстве, относящейся к категории добросовестности и введенной в действие законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, явилось изменение формулировки презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. Пункт 5 ст. 10 ныне действующей редакции ГК РФ гласит: *Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.*

В предшествующей редакции ГК РФ формулировка презумпции добросовестности звучала следующим образом:

В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

Следовательно, данная презумпция распространялась лишь на те случаи, когда в законе содержалась прямое указание на защиту права в зависимости от наличия у лица добросовестности. Поэтому такая презумпция могла быть только законной, но не общей.

Но в таком случае встает вопрос: как же следовало расценивать ситуацию, когда в законе не было указания на добросовестность? Из непродуманной формулировки п. 3 ст. 10 ГК РФ вытекало, что *в принципе субъекты гражданско-правовых отношений изначально предполагаются недобросовестными, но до тех случаев, пока закон не указал на необходимость действовать добросовестно.* Представляется, что подобное толкование не соответствует замыслу законодателя, и перед нами лишь пример несовершенства законодательной техники, который был ликвидирован с вступлением в силу 1 марта 2013 г. соответствующей нормы в виде общеправовой презумпции. Несовершенство действовавшей ранее редакции рассматриваемой нормы выражалось в необоснованном ограничении сферы действия презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. В нормах ГК РФ, посвященных договору аренды, отсутствуют указания на добросовестность как необходимое требование для защиты прав арендодателя (арендатора), но, тем не менее, суды часто ссылались в обоснование своих доводов на п. 3 ст. 10 ранее действовавшей редакции ГК РФ. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 18. 09. 2012 г. по делу

№ А40-113402/11-157-985 оставил без изменений указал в обоснование своей позиции, что

брремя доказывания (...) обстоятельств [возврата предмета аренды] возлагается законодателем на арендатора. Поскольку ответчиком нарушение арендодателем прав и обязанностей, вытекающих из спорного договора аренды, не доказано, то в силу п. 3 ст. 10 ГК РФ презюмируется добросовестность арендодателя.

Принимая же постановление по делу № А40-66803/12-18-1616 от 12.02.2013 г., Десятый арбитражный апелляционный суд в обоснование своих доводов ссылается на презумпцию добросовестности векселедержателя в силу п. 3 ст. 10 ГК РФ, хотя защита прав держателя векселя в соответствии с российским гражданским законодательством не ставилась в зависимость от того, осуществлялись ли эти права добросовестно. Таким образом, практика последних лет, опережая законодательное урегулирование данного вопроса, уже применяла презумпцию добросовестности как безусловную.

4. Критерии добросовестности

Вводя общеотраслевой принцип добросовестности в ГК РФ, законодатель не раскрывает само содержание понятия добросовестности, не устанавливает критериев для признания субъекта гражданского права добросовестным.

По своей природе категория *добросовестность* относится к оценочным понятиям гражданского права, но все же создание неких границ судейского усмотрения при обращении к данной категории представляется необходимым для предупреждения злоупотреблений со стороны правоприменителя, а значит, возникает надобность в законодательном установлении определенных критериев добросовестного поведения субъекта.

В данный момент судебная практика показывает, что в каждом деле добросовестность спорящих сторон оценивалась наряду с целым комплексом других обстоятельств, имевших место в рамках их взаимоотношений. Таким образом, получается, что каждый состоявшийся судебный акт, в котором была оценена добросовестность сторон, по своей сути, по набору исследованных обстоятельств, как правило, уникален, а, следовательно, может и не подойти для применения как образец для другой ситуации, в том числе и в превентивных целях.

В российской цивилистической доктрине выработана система критериев добросовестности, применимых для всех подотраслей гражданского права, что сейчас, с при-

нятием изменений в ГК РФ, закрепивших добросовестность в качестве общеотраслевого принципа, приобрело особую актуальность.

Представляются разумным выделение критериев добросовестности, предложенных Т.Ю. Дроздовой:

- наличие нарушения субъективных прав других участников гражданских правоотношений;
- незнание субъекта об обстоятельствах (заблуждение), которое в результате приводит к нарушению субъективных прав;
- отсутствие вины субъекта в его незнании (заблуждении) о каких-либо обстоятельствах⁶.

Пока критерии добросовестности остаются лишь теоретическими разработками цивилистической доктрины, что позволяет судам применять нормы, содержащие категорию добросовестности, руководствуясь своими собственными критериями в рамках судейского усмотрения. Очевидно, что это не может являться гарантией единства практики и стабильности гражданского оборота.

Рассмотренный в данной работе новый общеотраслевой принцип гражданского права является, безусловно, очень тонким правовым инструментом. Поэтому, следуя словам Е. В. Филатовой, во избежание злоупотреблений *для практического применения принципа добросовестности требуется не только его законодательное закрепление, но и определенный уровень правовой культуры*⁷.

Биографическая аннотация:

Надежда Печенкина – Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет. Научные интересы: римское право, гражданское право (защита вещных прав, авторское право).

SUMMARY

The principle of good faith in the Russian civil law

The aim of the study is to present the functioning of the principle of good faith in the civil law of the Russian Federation. The author focus on the meaning of the good faith concept, its integrity and presumption

KEYWORDS: the principle of good faith, civil law, Russian Federation

6 Т.Ю. Дроздова, *Добросовестность...*, С. 21.

7 Е.В. Филатова, *Принцип добросовестности в гражданском праве России и зарубежных стран*, Право и политика 4/2009, С. 804.